

Herbert, Ulrich: Wer waren die Nationalsozialisten? — München: C. H. Beck, 2021. — 304 S. — ISBN: 978-3-406-76898-9

Герберт, Ульрих: Кем были национал-социалисты? — Мюнхен: Бек, 2021. — 304 S. — ISBN: 978-3-406-76898-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00008>

Вопрос о том, кто такие были национал-социалисты, является вопросом о характере национал-социалистической диктатуры. Так ставит вопрос известный немецкий историк Ульрих Герберт (род. 1951), профессор новой и новейшей истории Фрейбургского университета, специалист по истории «Третьего Рейха» (1933–1945), автор капитальной монографии «История Германии в XX столетии» («Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert», 2014) и научно-популярного очерка «Третий Рейх. История одной диктатуры» («Das Dritte Reich. Geschichte einer Diktatur», 2016). Начиная с 1920-х годов и особенно на протяжении нескольких десятилетий после окончания второй мировой войны на этот вопрос давались самые разные ответы, которые, тем не менее, роднило друг с другом то, что они были всегда отмечены политической конъюнктурой конкретного исторического момента. В зависимости от этой конъюнктуры национал-социалистов было принято считать то прибегающим к насилию союзом маргинальных аутсайдеров, то преисполненным надежд движением молодежи, то мечтателями о народно-национальном единстве (völkische Schwärmer), то немецкими фашистами на итальянский манер, то партией безработных, то армией гражданской войны, то, наконец, анахронической антисемитской партией. И всё это — лишь небольшая часть из той массы характеристик, что сперва современниками, а затем потомками давались этому движению и его участникам.

После окончания войны «национал-социалистами» были объявлены все члены НСДАП и родственных им организаций. С этим было связано представление, что «Третий Рейх» опирался на массовое движение и этим он отличался от диктатур более традиционного типа, управлявшихся «знатными людьми» при помощи военных. Тем не менее как в ГДР, так и в левых кругах ФРГ в национал-социалистическом государстве было принято видеть политический проект традиционных элит, прежде всего крупной буржуазии и военных, которые использовали национал-социалистов в качестве орудия для достижения своих собственных целей. Но по мере того, как преступления «Третьего Рейха» становились предметом пристального внимания, все большую остроту принимали вопросы о вине и ответственности, что вело к выходу на первый план общественных дебатов деятельности функционеров таких террористических организаций, как СС и гестапо.

Такой поворот событий вызвал неприятие в Федеративной Республике Германия, особенно в первые послевоенные десятилетия, когда национал-социализм стал ассоциироваться с небольшой руководящей группой нацистских «бонз», а в конечном счете — с фигурой Адольфа Гитлера. Идея о том, что только Гитлер объединял режим и народ и потому именно он несет ответственность за преступления режима, сегодня кажется абсурдной, но на протяжении десятилетий она была распространена необычайно широко, чему способствовало, помимо всего прочего, появление всё новых биографий Адольфа Гитлера, которые внесли немалый вклад в укрепление этого стереотипа. Тем самым массовое согласие немцев с нацистским режимом было завуалировано, а рядовые члены партии и население предстали как жертвы обольщения и насилия, исходящего сверху. На

роль главных действующих лиц были выбраны прежде всего крупнейшие функционеры режима. В свою очередь, лица, служившие в концентрационных лагерях и айнзатц-командах, были объявлены «абсолютно асоциальными и криминальными элементами», как выразился федеральный канцлер Конрад Аденауэр, выступая в бундестаге в сентябре 1952 года (S. 18). Упомянуть о том, что руководящие кадры нацистской партии, равно как и государственные служащие высокого ранга – члены НСДАП в национал-социалистической Германии имели, как правило, хорошее высшее образование и происходили из приличных буржуазных семей, было принято считать признаком дурного тона и повторением задов коммунистической пропаганды идеологических функционеров ГДР.

Конечно, как отмечает Ульрих Герберт, не стоит забывать и о том, что распространение таких далеких от исторической истины стереотипов было в немалой степени обусловлено интересом конкретных лиц к сокрытию своего личного участия в преступлениях нацистского режима, а также стремлением определенных слоев послевоенного немецкого общества преуменьшить ту степень одобрения и энтузиазма в отношении режима со стороны населения, которая действительно имела место в период национал-социалистического господства, а также по мере возможности заретушировать роль руководящих групп из числа традиционной элиты в государственном управлении, экономике, а также в ведении вермахтом войны на уничтожение на Востоке в 1941-1945 гг. Только начиная с 1990-х годов стало очевидно, что поддержка «Третьего рейха» со стороны значительной части населения была гораздо более ярко выраженной, чем предполагалось прежде. Тогда же стало появляться все больше понимания того, что значительная часть немецкой административно-управленческой и академической элиты не только приветствовала приход национал-социалистов к власти, но и охотно пошла на сотрудничество с новым режимом и в массе своей продолжала служить ему верой и правдой вплоть до 1944 г. когда на горизонте уже маячила перспектива его тотального краха.

Рецензируемая книга состоит из 11 эссе, в основу которых легли выступления и статьи автора в период с 1995 по 2020 год. В их центре находится поиск ответа на вопрос о том, кем были национал-социалисты, какова была их картина мира и истории и какую роль во всем этом играл антисемитизм. Важное место в книге занимает также рассмотрение вопроса о масштабах поддержки национал-социалистического режима со стороны населения и традиционных элит, в частности, со стороны университетской профессуры. В исследовании проводятся также типологические сравнения нацистской и сталинской систем тоталитарного господства. Три главы книги посвящено исследованию проблем, связанных с военной политикой и политикой уничтожения, проводившейся национал-социалистическим режимом в годы второй мировой войны. Ее различные аспекты анализируются автором на примере общеевропейской политики нацистского режима, его захватнической войны на уничтожение против Советского Союза и геноцида европейского еврейства. В книге также ставится и рассматривается вопрос о том, какое значение имела пропаганда «народного сообщества» во времена нацистской диктатуры и можно ли обнаружить следы влияния этой концепции на внутреннюю политику в ФРГ в послевоенные годы. Наконец, в заключительной главе книги автор подвергает анализу проблему, в какой степени руководящим группам нацистского режима удалось восстановить свои позиции в западногерманском обществе после войны, и задается вопросом об обстоятельствах и последствиях этого «возвращения к буржуазной норме» для судеб западногерманской демократии в послевоенные десятилетия.

Следует отметить, что главный тезис, который автор рецензируемой книги отстаивает в своей статье «Кто такие были национал-социалисты?», представляется нам достаточно проблематичным. Складывается впечатление, что он чрезмерно сближает национал-консервативные и право-радикальные движения Веймарской республики, с одной стороны, и национал-социалистическое движение в лице НСДАП, ее штурмовых отрядов (СА) и организаций-сателлитов вроде Национал-социалистического немецкого союза студентов (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund), с другой, на том

основании, что 1) между ними якобы не было серьезных доктринальных разногласий, а были только разногласия по второстепенным вопросам и что 2) значительная часть активистов этих движений впоследствии стала успешными функционерами в различных сферах национал-социалистического аппарата власти. Коренным разногласием между национал-социалистами, с одной стороны, и национал-радикалами и национал-консерваторами времен Веймарской республики автор считает высокомерное отношение последних к национал-социалистам и их вождю как к «грубому и бездуховному движению», а также их опасения по поводу ставки, сделанной национал-социалистами на мобилизацию политизированных масс и на уличное насилие (S. 32). Тем самым, ретушируется другая, не менее важная, на наш взгляд, линия идейного и социального водораздела между национал-социалистами и другими радикальными националистическими группировками времен Веймарской республики, которая состояла в том, что в отличие от этих последних, нацисты были не только националистами, но еще и социалистами, то есть политическими актерами, не только на уровне популистской демагогии, но и на уровне стратегии и тактики своего движения всерьез воспринимавшими некоторые социалистические идеи и проводившими их в жизнь с целью интеграции трудящихся немецких слоев в новое «народное сообщество» (Volksgemeinschaft). То же самое касается и тех усилий, которые нацисты, начиная с принятия «четырёхлетнего плана» (Vierjahresplan) в 1936 г., направляли на создание военной экономики, управляемой государством, и соответствующей системы планирования и распределения ресурсов. К этому присоединялся и тот рессентимент, который многие деятели национал-социалистического движения, будучи «парвеню» в социальном плане, испытывали к представителям традиционных немецких элит – военным, дипломатам, профессорам, представителям крупной деловой буржуазии. При исследовательском подходе, практикуемом автором рецензируемой книги, эти аспекты «государственного социализма» времен национал-социалистической диктатуры (1933–1945), не получают, на наш взгляд, того освещения, которого они, вне всякого сомнения, заслуживают. В действительности в своей книге Ульрих Герберт отвечает не на вопрос о том, кем были национал-социалисты по своему объективному социально-классовому, профессиональному, региональному, религиозному или же идейно-мировоззренческому профилю, но на вопрос о том, какие мотивы заставили немалое число активистов из различных националистических, консервативных и праворадикальных кругов в конечном счете примкнуть к нацистам незадолго до их прихода к власти или же сразу же после этого.

С этим первым вопросом тесно связан второй, интересующий автора не меньше: как менялись критерии идентификации тех, кого причисляли к национал-социалистам в политической истории Германии XX в. Однако предлагаемый самим автором критерий, согласно которому к нацистской элите в «узком смысле» следует причислять только тех, кто «имел непосредственное отношение к политике террора и уничтожения, проводившейся режимом, и несет ответственность за нее» (S. 243), приводит к тому, что к членам нацистской элиты он причисляет только «верхушку государственного и партийного аппарата, и прежде всего руководящие кадры особых органов власти, гаулейтерств и партийных организаций, а также всех тех, кто занимал руководящие должности в СС, Главном управлении имперской безопасности, в высших органах экономики и государственного управления, в полиции безопасности и в айнзацгруппах, а также в немецких оккупационных органах власти в оккупированных странах, прежде всего на Востоке» (S. 243–244). Такая постановка вопроса, на наш взгляд, выглядит в высшей степени спорной, поскольку, как вынужден признать сам У. Герберт, тем самым из рядов нацистской элиты автоматически исключаются «традиционные элиты, действовавшие в сферах хозяйства, государственно-административного управления, науки и в вооруженных силах» (S. 243).

В заключение отметим, что книга Ульриха Герберта, по его собственному признанию, имеет не только научно-историографическое, но и политико-полемическое

значение. Оно, по мнению автора рецензируемой работы, состоит в том, что обсуждение вопросов о национал-социалистическом прошлом немецкой нации, которым активно занимаются исследователи как в самой Германии, так и за ее пределами, призвано вносить свой посильный вклад в разработку «более объемного (и очень болезненного для немцев) образа национал-социалистического режима, его приверженцев и его преступлений» (S. 11).